

День начала экзаменов «Сянши» неумолимо приближался, и весь Юнчжоу кипел от небывалого оживления. Сюда стекались студенты со всех концов провинции. Постоялые дворы и дома, предназначенные для аренды, были забиты кандидатами под завязку.

Е Цзюньшу, проживший в столице округа два года, знал окрестности конфуцианской академии Гунюань как свои пять пальцев. Ему не нужно было, подобно вновь прибывшим, в спешке стоять в очередях, чтобы оформить допуск к экзаменам. В Академии Юнчжоу пропуска для всех, кто имел право на сдачу экзамена, были оформлены централизованно еще в первый день записи.

Говорили, что уже месяц у ворот Гунюань ежедневно собираются сотни людей. И хотя на каждом «Юанькао» (экзамене уровня академии) в сюцаи пропускают немногих, за годы их накапливается огромное количество. По последним данным на вчерашний день, число подавших заявки уже достигло трех тысяч человек. И это при том, что время записи еще только перевалило за середину.

Количество мест для прохождения Сянши строго ограничено: в зависимости от богатства и культурного уровня провинции квота составляет от 50 до 150 мест. В самых процветающих провинциях с сильными литературными традициями квота максимальная — 150 человек, в беднейших округах — 50. Юнчжоу был землей богатой, и здесь полагался высший лимит в 150 мест. Однако бывали случаи, когда кандидаты оказывались недостаточно талантливы, и список зачисленных был короче квоты. Всё зависело от решения экзаменаторов.

Сто пятьдесят мест — это кажется больше, чем квота для сюцаев, но стоит понимать: сюцаи — это лучшие люди со всего уезда, а здесь счет идет на уровне провинции. Сама выборка совершенно иная — здесь собираются лучшие из лучших со всех уездов, так что и качество подготовки, и количество претендентов находятся на ином уровне.

Соперничество стало еще жестче.

Юй Маолинь вернулся месяц назад, привезя с собой гору гостинцев, которые передали родные, и одежду, сшитую Минь-аму и остальными. Узнав, что Е Цзюньшу собирается сдавать провинциальные экзамены, в деревне семьи Е специально открыли родовой храм, чтобы вымолить покровительство предков. В привезенных письмах были слова поддержки и ободрения, а также новости о домашних делах, чтобы он не беспокоился. Спустя два года Е Цзюньшу, признаться, и сам порой тосковал по тем людям и местам...

Неизвестно, о чем думал Юй Маолинь, но когда он приехал, его сопровождала целая толпа слуг. Однако он предпочел по-прежнему жить вместе с Цзычжоу, не пуская прислугу в дом. Нахмурившись, он заявил, что «так тише». Если бы те слуги настояли на том, чтобы остаться и прислуживать Маолиню, Е Цзюньшу не имел бы права возражать — в конце концов, это дом семьи Юй, а он лишь арендатор. Но когда людей много, начинается суeta и становится не по себе. Цзычжоу уже готов был терпеть, но, к счастью, Юй Маолинь распорядился поселить их в другом месте.

Будучи первым в списке уезда Линьфэн, Юй Маолинь ставил перед собой великую цель — стать «Ляньчжун Сань-юань» (победителем трех ступеней экзаменов подряд). Е Цзюньшу же, вспоминая постоянные наставления учителя, решил выложиться на полную — и пусть победит сильнейший.

День экзамена неумолимо приближался, и даже дети в доме стали необычайно послушными, стараясь не доставлять Е Цзюньшу хлопот. Благодаря связям в Юнчжоу, Цзычжоу и Маолинь

уже знали, что главный экзаменатор прибыл в город и ведет подготовку. Правительство уделяло кофуцианским испытаниям огромное внимание, присылая главных и заместителей экзаменаторов лично от двора.

До Е Цзюньшу дошли слухи, что главный экзаменатор принадлежит к фракции семьи Мин, а его заместитель — к фракции семьи Ли. Для него это были не самые добрые вести. В Юнчжоу информация распространялась быстро, и Чжо Сяньчжи, зная о планах ученика делать карьеру, постоянно разъяснял ему расклад сил в чиновничьих кругах. Так что Цзычжоу уже немного ориентировался в придворных интригах. Впрочем, какими бы ни были экзаменаторы, пока соблюдается относительная честность, он верил, что его знаний хватит как минимум для того, чтобы попасть в список.

Занятия в академии прекратились. Е Цзюньшу и Юй Маолинь проводили время, встречаясь с друзьями, за чаем обсуждая новости и обмениваясь информацией. Чжо Сяньчжи тоже больше не вызывал его на уроки, давая возможность полностью сосредоточиться на подготовке. Он даже заявил, что начинает готовиться к банкету в честь успешной сдачи, чем невольно нагнал на Е Цзюньшу еще больше стресса.

Провинциальные экзамены должны были длиться девять дней и шесть ночей в три этапа. Е Цзюньшу и Юй Маолинь подготовили всё необходимое. За этим лично следил Нань-амэ, проверяя вещи снова и снова, боясь что-то упустить. Юй Маолинь оказался человеком широкой души: он просто отдал всё приготовленное семьей на проверку Нань-амэ, чтобы тот сравнил их наборы и дополнил недостающее. Е Цзюньшу даже подумал: «Неужели он не боится, что я из вредности что-нибудь испорчу?» Впрочем, он был не способен на такую подлость — только честная конкуренция.

Поскольку участников было больше, а экзамен длился дольше и условия были строже, питание (в отличие от начальных экзаменов) не предоставлялось — всё нужно было брать с собой. Гунюань обеспечивал только место. По рассказам тех, кто уже сдавал, обстановка там не была секретом: маленькие коморки с дощатой кроватью, столом и ночным горшком в качестве стандартного набора. Больше ничего. В коморке было лишь крошечное оконце для выдачи свитков и надзора за тем, чтобы никто не списывал. Во время экзамена выходить из кельи запрещалось, как и общаться с внешним миром. Только экзаменаторы и стража могли перемещаться снаружи. Нужно было иметь по-настоящему крепкую психику, чтобы выдержать заточение в такой «черной комнате» и не растерять знания.

За несколько дней до начала Е Цзюньшу и Юй Маолинь перестали выходить на улицу. В толпе легко могла случиться беда, а они, как известные таланты, легко могли привлечь завистников. Если бы произошел несчастный случай, гадать о причинах было бы поздно. Живя вместе, они поддерживали друг друга беседами, так что предэкзаменационной тревоги почти не чувствовали.

Под пристальным вниманием всего города день начала настал.

Е Цзюньшу, неся на плечах надежды близких, вместе с бесконечной вереницей кандидатов с трудом прошел внутрь. О тяготах самого процесса говорить не приходилось: самым мучительным было не написание работ, а удушающая жара, от которой некуда было деться.

Когда закончился первый тур, братья семьи Е в полном составе ждали снаружи, то и дело вставая на цыпочки и вытягивая шеи.

— Второй брат, второй брат, большой брат уже вышел? — Цинь-гэр в нетерпении дергал Е

Цзюньшаня за одежду.

Е Цзюньшань тоже не сводил глаз с ворот Гунюаня:

— Погоди, скоро должен.

Цзюньшаню уже исполнилось четырнадцать, и он, как в свое время Е Цзюньшу, начал стремительно расти. Стоя на возвышении, он видел поток выходящих студентов. Вдруг его глаза блеснули, он замахал руками и громко закричал:

— Большой брат! Большой брат! Мы здесь!

Остальные, услышав, что Цзычжоу вышел, тоже принялись орать во всё горло, хотя еще его не видели.

Е Цзюньшу шел в толпе, оглядываясь в поисках знакомых, и вдруг услышал голоса своих. Он посмотрел в ту сторону и увидел вдалеке на возвышении Сяо Шаня. Он быстро пробрался сквозь густую толпу. К этому моменту близнецы уже увидели его и с радостными криками бросились навстречу, раскинув руки для объятий.

Е Цзюньшу с улыбкой присел, тоже раскрыв объятия. Казалось, сейчас начнется трогательная сцена воссоединения братьев, но за пару шагов до него близнецы резко затормозили и сморщили носы.

— Что это за запах? — спросил Е Цзюньвэй.

Цзин- гэр зажал нос:

— Фу, как воняет!

Они принялись к одежде Е Цзюньшу: о-о, пахнет еще сильнее.

Е Цзюньшу: «...»

— Эх, меня отвергли, мое сердце разбито! — притворно вздохнул он, изображая глубокую печаль.

Близнецы тут же перепугались и бросились ему на шею:

— Мы не брезгуем, большой брат!

— Совсем не воняет! Не плачь!

Е Цзюньшу с довольным видом подхватил близнецов на руки. Видя, как они морщатся, словно маленькие старички, но всё равно тянут ручонки, чтобы обнять его за шею и утешить, он расхохотался еще громче.

Что ж, в нем проснулось чувство легкого злорадства, но вид близнецов мигом поднял ему настроение. Остальные дети тоже подошли; они смотрели на него сияющими глазами, словно на героя, вернувшегося с триумфом.

В окружении своего «семейного полка» Е Цзюньшу легким шагом направился к дому. Нань-амэ шел рядом и приговаривал:

— Молодой господин, горячая вода уже готова.

— Хорошо.

Номера экзаменационных келий распределялись при входе случайным образом. Е Цзюньшу не знал, где оказались Юй Маолинь и остальные, но дома это должно было проясниться: раз назначив место, власти оставляли его за кандидатом на все три тура. Е Цзюньшу достался номер 2908, а Юй Маолиню — 1734, они были далеко друг от друга. Сил на другие разговоры не осталось. За одну ночь отдыха им нужно было успеть принять ванну, наесться досыта и выспаться, ведь завтра на рассвете снова предстояло стоять в очереди, чтобы зайти на следующий этап.

К последующим двум турам Е Цзюньшу, напротив, уже привык. Его телосложение было гораздо крепче, чем у большинства кандидатов, и он не чувствовал особого недоумения. Зато Юй Маолинь после второго этапа вышел бледным как полотно и едва держался на ногах. К тому же за эти дни несколько десятков человек вынесли из Гунюаня на носилках из-за солнечного удара или истощения.

Опасаясь, что Юй Маолинь не выдержит третий тур, Е Цзюньшу специально сделал ему массаж, чтобы тому стало полегче. Цзычжоу подумал, что в следующий раз, когда он будет тренироваться, нужно обязательно брать Юй Маолиня с собой. Ну куда это годится — быть таким хрупким и болезненным? А ведь впереди еще столичные экзамены (хуэйши)! «Решено, после экзаменов заставлю его тренироваться вместе», — подумал Е Цзюньшу.

Каждый раз, выходя из ворот, Цзычжоу получал свою порцию братских обнимашек. Вид близнецов, страдающих от амбре, исходящего от его одежды, неизменно вызывал у него приступы хохота. Ха-ха-ха!

Однако непрерывная умственная работа дала о себе знать. Отработав все три этапа, он провалился в глубокий сон и только после этого по памяти записал свои ответы и отправился к учителю. Чжо Сяньчжи, изучив записи, удовлетворенно кивнул:

— Очень хорошо. Ты показал свой истинный уровень.

Услышав это, Е Цзюньшу втайне выдохнул. Оценка учителя означала, что в списке он точно будет, вопрос лишь в месте — хотелось бы не слишком низко. В этот раз он не прыгнул выше головы, так что в своем первенстве уверен не был. Впрочем, ладно: если получу первое место — счастье, нет — значит, не судьба. Если Юй Маолинь сможет стать «трижды первым», это будет прекрасной историей.

Теперь оставалось только ждать результатов.

— Ну же, иди сюда! Учитель нашел пару кувшинов отличного «Нуэрхуна» двадцатилетней выдержки. Сначала просто промочи горло, а в день банкета у меня будет и тридцатилетний!

Чжо Сяньчжи невесть откуда выудил кувшин вина и протянул его Е Цзюньшу, сам уже вовсю прикладываясь к своему.

Е Цзюньшу, обнимая кувшин: «...»

Когда же он избавится от этой привычки — пить, когда весело, и еще больше пить, когда грустно? Благодаря учителю, который жизни не смыслил без выпивки, Цзычжоу мог с гордостью заявить, что теперь его и тысячей чарок не свалить.

<http://bllate.org/book/15226/1411558>